

События происходят во время первого тома третьей части (8 том по сквозной нумерации)

Побочная история ко второму тому третьей части манги

С трепещущим сердцем я рвался вперед на своем ездовом звере. Я слышал, как мой плащ раздувается ветром, когда я летел домой так быстро, как только мог.

— Карстед, не мог бы ты сегодня пойти домой пораньше? Я беспокоюсь за Эльвиру...

Слова госпожи Флоренции разносились в моей голове снова и снова, пока я находился в седле. Никаких подробностей не последовало. Недопустимо выразить беспокойство о первой жене командира рыцарского ордена в присутствии более десяти человек, включая свиту. Но первая жена ауба сделала мне предложение изменить планы. Моя тревога растет.

Боги, что случилось с Эльвирой...

Я слышал о планах Эльвиры на этот день: она собиралась присоединиться к Фердинанду и госпоже Флоренции, которых Рихарда попросила принести лекарства и провести спящую Розмайн. Если бы Розмайн чувствовала себя лучше, они бы, по крайней мере, поговорили за чашкой чая. Но мы не слышали ни о какой опасности. Рыцарский орден не вызывали, и госпожа Флоренция ничего не докладывала аубу. Единственное, что она сказала: «Я беспокоюсь об Эльвире».

— Эльвира!

Я спешил и открыл дверь дома. Подошедший слуга посмотрел на меня так, словно увидел чужака.

— Эм, господин Карстед?

Только теперь я понял, что не сообщил заранее о своем приезде. Похоже, я был слишком поспешен после слов госпожи Флоренции.

— Где Эльвира? В своей комнате?

Только я подумал, что она могла спать сейчас, как слуга медленно повернул руку в сторону. Поодаль стояла Эльвира, выглядевшая немного удивленной.

— О, я думала, что это Корнелиус, но это вы, господин Карстед, не так ли? С возвращением. Но

откуда у вас такой суровый взгляд?

Я обвел Эльвиру взглядом, на что она несколько раз моргнула черными глазами. Что-то не так. Я не могу сказать, что изменилось, но это нельзя не заметить. От непонимания я невольно моргаю.

— Господин Карстед, если вы не сообщите об изменении планов ордоннанцем, это вызовет проблемы.

Я рассматривал Эльвиру, напомнившую мне о моей забывчивости, и понял, что имела в виду госпожа Флоренция.

Почему ты улыбаешься, когда читаешь мне нотации?

Эльвира явно нездорова. Мне кажется, или она напевает что-то сразу после укор в мой адрес. Это невозможно. Я не знаю, что происходит, но она очень жизнерадостна. Отродясь не видел ничего подобного.

С момента нашей первой встречи мое впечатление об Эльвире не менялось. Она всегда носит аристократическую улыбку, как будто она надела маску, а ее величественная осанка завораживающая; она немногословна. Даже когда я говорю с ней, ее эмоции редко проявляются на лице. Иногда она разговаривает со мной, но только для того, чтобы дать мне совет или отругать. Она была идеальной дворянкой, но ей не достает красоты и живости.

Что тут вообще происходит?

Я не могу скрыть озадаченность из-за такой перемены в моей собственной жене. Когда Розмайн жила у нас, я думал, что у нее было хорошее настроение из-за визитов Фердинанда, но то дело минувшее. Это настолько необъяснимо, что почти жутко. Неудивительно, что госпожа Флоренция волнуется. Даже её слова звучали так, будто она пела:

— Когда Корнилиус вернется, у нас будет ужин. Так что сперва переоденься.

Я прошел со слугой в свою комнату, не понимая, что происходит.

— Эй, что случилось с Эльвирой?

— Не знаю. Когда я вернулся из замка, она была в таком состоянии. Разве господин Карстед не вернулся внезапно домой из-за того, что узнал о произошедшем?

— Я вернулся, потому что госпожа Флоренция сказала, что я должен взглянуть на неё. Я ничего не знаю об этом и причинах.

После молчаливого обмена взглядами со слугой я оставил попытки выяснить, что здесь происходит, и ушел в свою комнату. Я должен спросить Эльвиру напрямую.

Когда я переоделся и пошёл в столовую, то обнаружил Корнелиуса, моего третьего сына, за обеденным столом. Было необычно видеть его дома в это время, поскольку, когда Розмайн находится в замке, его роль рыцаря сопровождения была приоритетной.

— Корнелиус, ты уверен, что тебе можно сейчас не сопровождать Розмайн?

— Мне сказали, чтобы я сегодня пораньше ушел домой.

Говоря это, он обратил взгляд на Эльвиру, но лицо его не дрогнуло. Я вижу. Розмайн или госпожа Флоренция, беспокоясь, отправили Корнелиуса домой.

Я сел в кресло и стал наблюдать за Эльвирой, которая, казалось, нашла что-то веселое. Она пела относительно известную песню о любви и выглядела так, как будто была влюблена.

Нет, этого не может быть. Уверен, что это неправда.

Она не такая легкомысленная женщина, и наш брак сейчас намного крепче, чем когда бы то не было. Я слегка тряхнул головой, чтобы отогнать глупые мысли, и прямо спросил Эльвиру:

— Эльвира, у тебя очень хорошее настроение, что с тобой? Флоренция сказала мне, чтобы я как можно скорее шел домой, потому что ты чувствуешь себя не очень хорошо...

— Ну, мне тут нечего сказать. Это не заслуживает внимания.

Приятная улыбка превратилась в знакомую дворянскую ухмылку.

— Как это ничего? Ты же не собираешься делать ничего опасного?

— Ни в коем случае. Иначе госпожа Флоренция доложила бы господину Сильвестру.

Я знаю, что меня просили оставить эту тему, так как это не очень важно. Это все, что я делал прежде. Если это не вредит нашей семье, я оставляю все как есть. Однако я чувствовал неловкость от того, что моя жена что-то от меня скрывает.

— Если опасности нет, почему госпожа Флоренция велела мне вернуться домой пораньше?

Когда я продолжил, Эльвира на мгновение подняла глаза и задумалась. Я видел, что она размышляет о том, сколько она может мне сказать, и в то же время смотрит на меня.

— Я не предпринимаю ничего опасного. Не знаю, достаточно ли этого, чтобы убедить вас. Вы рыцарь сопровождения Сильвестра. Если вы расскажите, то он не оставит нас в покое.

Похоже, нежелания раскрывать детали вызваны опасениями из-за господина Сильвестра, иначе она не пыталась бы это скрыть от меня.

— Что же вы хотите скрыть от господина Сильвестра... Ты ведь встречалась с Розмайн. Что сказал этот ребенок?

— Ну, да, — Эльвира немного нерешительно кивнула в ответ на мою догадку. Если Розмайн вовлечена, то вряд ли это любовная интрижка. Я почувствовал некоторое облегчение, узнав это.

— Кажется, тогда вряд ли я смогу это понять. Мысли этого ребенка совершенно непредсказуемы. Все её идеи безумны.

Корнелиус издал небольшой смешок, как будто он догадывается, что происходит. Потом я понял. Он рыцарь-ученик в эскорте Розмайн. Он не может присутствовать на женских чаепитиях, но если там находился Фердинанд, он мог слышать.

— Разве ты не знаешь, Корнелиус?

— Я рыцарь сопровождения. Я не буду говорить того, что госпожа не хочет, чтобы я говорил. Я расскажу только с разрешения Розмайн и матери.

— Приказ.

Корнелиус, похоже, ставит волю Розмайн выше вопросов отца. Раньше Эльвира жаловалась на отсутствие у него мотивации, но теперь, когда он стал рыцарем сопровождения, его отношение, кажется, сильно изменилось. Это хорошо — иметь наставника, учитывая, что прошло не так много времени с тех пор, как он стал рыцарем сопровождения. Я подумал о Бригитте и Дамуэль, рыцарях Розмайн.

— Корнелиус прав, — сказала Эльвира. — Если бы господин Сильвестр узнал, он бы испортил все веселье.

— Я не думаю, что он встанет у вас на пути...

Я стараюсь защищать своего господина. Но Эльвира смотрела на меня, приподняв одну бровь. Я хотел бы оспорить эти слова, но ее лицо заставило меня воздержаться.

— Я на стороне Розмайн и Фердинанда. И я не хочу потерять поддержку Рихарды.

По всей видимости, к Сильвестру не было ни капли доверия. Криво улыбаясь, я собрал воедино все прежде сказанное Эльвирой.

Поспособствовала ли Рихарда участию Фердинанда?

Единственный человек, который может заставить что-то сделать Фердинанда — Рихарда. Розмайн предложила нечто... что Фердинанд под напором Рихарды согласился бы сделать. И это заставило Эльвиру чуть ли не воспарить от радости.

Мне нравилась атмосфера секретности. В то же время я чувствовал раздражение от того, что Эльвира считала, что я не способен промолчать в присутствии Сильвестра.

— Тебе так весело? Ты сегодня очень воодушевлена.

— Так хорошо! И даже если мою возбужденность можно счесть слабостью, мне все равно.

Только когда она это сказала, я понял. Раньше я думал, что Эльвира, у которой не было дочери, а только сыновья, пребывала в веселом настроении, потому что ей нравилось заботиться о Розмайн, но я ошибался. Похоже, что падение госпожи Вероники стало причиной ее счастливой жизни. Я и не догадывался, что Эльвира обладает таким живым характером, возможно, потому, что она находилась под влиянием Вероники с момента нашей встречи.

Я женат уже почти двадцать лет и все еще узнаю что-то новое. С тех пор как у меня появилась Розмайн, Эльвира и сыновья не перестают открываться с новой стороны. Сперва я был насторожен тем, как Эльвира будет относиться к Розмайн, поскольку жена могла обойтись с ней, как госпожа Вероника с сиротами.

Дело было в том, что Вероника была единственной, кто близко присматривал за осиротевшими детьми. Но Эльвира была другой. Она воспитывала Розмайн, как родного ребенка, постоянно спрашивая ее об успехах и любых изменениях физического состояния. Между тем она сравнила Розмайн с Корнелиусом и другими сыновьями и сообщала о текущем положении в семье. В отличие от воспитания собственных детей, воспитание Розмайн было приказом ауба, что не позволяло нам просто сказать «Мы оставим работу по дому на тебя». Неизбежны были частые обсуждения между мужем и женой.

В то же время Розмайн рассказывала мне о жизни в доме.

— Я уверена, что вы согласитесь с тем, что матушка Эльвира удивительна. Хотя я и не могла поговорить с ней раньше... и несмотря на то, что она думает, что я ребенок третьей жены, она так добра ко мне.

— Ей не хватает немного той незащищённости и женской миловидности, которая заставляет вас хотеть защитить её.

— Но как ей иначе быть? Отец — командир рыцарского ордена, разве простая женщина может быть первой женой такого человека. Она должна быть в состоянии защитить дом в случае чрезвычайной ситуации вместо отца, который находится вдали от дома..

Со мной, командиром рыцарского ордена, с отцом из семьи ауба, никто никогда не был так откровенен, что меня очень радовало. Я всегда жаловался на то, что Эльвире не хватает миловидности и надежности, но как первая жена командующего рыцарями, она была более чем способна. Как только я понял это и попытался воспринимать Эльвиру как мою первую жену, мы стали нормальной парой. В доме больше не было неловкости, мы чувствовали себя более комфортно и меньше нервничали, разговаривая друг с другом.

И именно поэтому я ощущал неудовольствие от сокрытия чего-то.

— Эльвира, неужели ты не доверяешь собственному мужу? Я командир рыцарского ордена. Я могу хранить секреты.

Эльвира смотрит с задумчивым выражением. Я должен ее подтолкнуть.

— Если вы хотите что-то скрыть от Сильвестра, чем больше я об этом знаю, тем больше смогу оказать помощи. Что ты думаешь?

— Могу ли я доверять тебе? Хм.

Ее красные губы растянулись в улыбке, когда она проверяет меня. Похоже, она получает огромное удовольствие. Волнительно вот так просто обмениваться мнениями с Эльвирой.

Я уговаривал Эльвиру, а Корнелиус быстро закончил ужин и вышел из столовой, наблюдая за нами с неприятием на лице, словно он задыхался, не в силах смотреть на нас.

— Ты права в своих опасениях.... Я уверен, что господину Сильвестру будет крайне любопытно узнать об этом.

Я убедил Эльвиру и узнал, что она задумала. По предложению Розмайн они запланировали собрать пожертвования на концерте фешпиля Фердинанда. Поскольку обычное чаепитие не позволило бы собрать достаточно денег, Розмайн придумала новое мероприятие, связанное с полиграфией. Фердинанд не хотел этого делать, но в конце концов, по настоянию Рихарды, неохотно дал согласие.

— Прошу, не дайте шансу господину Сильвестру принять участие.

Улыбка на лице Эльвиры еще никогда не выглядела так хорошо.

<http://tl.rulate.ru/book/71458/2365464>